

А. ВЕРМИШЕВ

Автор вынесенного на первую полосу письма к В. И. Ленину — Александр Вермишев, чье 90-летие со дня рождения и 50-летие со дня героической гибели только что отмечалось, — личность легендарная. Один из тех рыцарей революции, которые не мыслили себя вне борьбы с самодержавием. Иано, еще студентом, ушел он в революцию, подвергался неоднократным арестам. Но Вермишев оставался верен своим убеждениям и упорно продолжал революционную деятельность. Верность революции он доказал героической смертью. В 1919 г. писатель, боец Вермишев был казнен мамонтовцами.

Случилось так, что пьеса Вермишева «Красная правда» стала одним из моих самых первых театральных впечатлений. Это было давно. Мне было лет пятнадцать.

Спектакль шел в 1919 году в Саратовском красноармейском театре имени В. И. Ленина. К театру этому я был близок: там работал мой старший брат. Красноармейский театр пользовался большим успехом у революционного зрителя. Ходила на его спектакли иногда и так назы-

В РАЗГАР БОЯ

Борис БАБОЧКИН,
народный артист СССР

ваемая «театральная публика», особенно — на «Разбойников» Шиллера и «Дурных пастырей» О. Мирабо.

Пьеса Вермишева принималась зрителями-красноармейцами с энтузиазмом, с восторгом. И, как вы понимаете, решительно отличалась от всех других произведений, шедших на сцене этого театра.

Мне, конечно, трудно сейчас судить о художественном качестве спектакля. Он, подобно пьесе, создавался «в разгаре боя» и, должно быть, ни постановка, ни исполнение не были совершенными. Но чувствовалась в нем такая одержимость, такая призывность, такое полное созвучие с революционным настроением зрителей, что успех был громадный...

Я учился тогда в театральной студии в Саратове. Некоторые из наших учителей были воспитаны в Художественном театре, и до нас, таким образом, донесли сведения о системе Станиславского, которая в те годы уже получила широкое распространение.

Главным нашим стремлением было решительно покончить с рутинной старой театры. Но как это сделать, мы не знали и пытались установить истину в бесконечных спорах и дискуссиях.

Написанная за семь ночей, пьеса Вермишева — писателя, по горло занятого организационной, хозяйственной, боевой работой, — была митинговой, как тогда говорили — агиткой. Но она целиком была посвя-

щена современной революционной теме и вызвала бурный восторг зрителей. Люди узнавали в этой советской пьесе, в ее героях самих себя.

Нечто подобное я увидел в зрительном зале через пятнадцать лет. Поистине, сердце советского зрителя всегда было открыто для восприятия больших революционных идей, если они подавались в простой, доходчивой, свободной от формализма и чуждой всякому натурализму форме.

Укрывшись в директорской ложе Ленинградского кинотеатра «Титан», я наблюдал настроение зрителей на премьере «Чапаева». Это словно бы один человек смотрел «Чапаева», то взволнованно затаивая, то взрываясь смехом, то, наконец, разражаясь таким же непосредственным восторгом, который я видел когда-то на представлении «Красной правды».

Характер этого волнения был другой. Не только тема, но и художественные достоинства фильма волновали людей. И все же было в этих двух премьерах что-то родственное.

Надо ли удивляться тому, что даже подлинные участники чапаевских рейдов воспринимали фильм как реальную жизнь, — такова была сила искусства.

В своей книге «В театре и кино» я рассказал эпизод, который позволю себе повторить — он того стоит.

В фильме есть такая сцена: Чапаеву докладывают, что в одном из эскадронов — «буза», убили Жукова. Авторы сценария не имели в виду конкретного человека — фамилия была выбрана произвольно. Но оказалось, что в подобной ситуации был реальный чапаевец Жуков. И после выхода фильма этот реальный Жуков упрекал меня в том, что я, Чапаев, мог

поверить в его смерть, в то время как он был всего лишь ранен и, пока усмирят взбунтовавшийся эскадрон, ему делали перевязку в лесу, неподалеку.

А ведь я не стремился создавать характер Чапаева во всех его жизненно достоверных подробностях. Я хорошо помнил слова Д. Фурманова: «Чапаев живет и будет долго-долго жить в народной молве, ибо он коренной сын этой среды и к тому же удивительно сочетавший в себе то, что было разбросано по другим характерам его соратников, по другим индивидуальностям». Это давало право на создание образа обобщенного, и мы вместе с режиссерами фильма Г. и С. Васильевыми пошли по пути обобщения. Путь этот, как выяснилось, и привел к достоверности образа Чапаева.

В чем секрет художественного успеха «Чапаева»?

Успеха, который — мне радостно сознавать это — не померк и спустя тридцать пять лет после премьеры фильма. Почему вновь и вновь возвращаются на подмостки пьесы Вс. Вишневского, К. Тренева, Вс. Иванова? Те пьесы, что в свое время претендовали прежде всего на непосредственное отображение эпохи и ее проблем? Почему мы с великим уважением вспоминаем произведения первых революционных лет? Пьесы-агитки, пьесы-плакаты?

Мы празднуем пятидесятидвулетие Октября. И мне хотелось бы, чтобы мое выступление в юбилейном номере писательской газеты не было похоже ни на мемуары, ни на торжественную речь.

Имеем ли мы, художники, право спокойно и снисходительно взирать на то, что рядом с произведениями высокохудожественными

— на кино- или телеэкране, на театральной сцене или эстраде — сосуществуют явно пустые развлекательные опусы, живет халтура. Люди стали тоньше, информированнее — и халтура научилась новым формам и приемам, стала устраиваться даже удобнее, чем в былые времена.

Я понимаю, что нельзя просто обругать невзыскательные, малохудожественные явления в театре, кино, на эстраде или на телевидении. Нельзя ограничить дело одной, двумя, даже сотней статей. Нужно, чтобы каждый автор, режиссер и актер относился к своему творчеству с максимальной требовательностью, объявив решительную борьбу бездумным подделкам.

Я ни в коей мере не хотел бы, чтобы эта статья читалась как еще одно воспоминание человека, которому есть что вспомнить. Цель моя глубже. Близкое, сегодняшнее заставляет возвращаться к истокам.

Искусство агитационное, успевающее за каждым днем нашей жизни, напрасно противопоставляют искусству, глубоко проникающему в психологию героев. Вспомним, что Маяковский относился к своей работе в «Окнах РОСТА» так же серьезно, как и к созданию больших поэм.

Боевая агитация была на передовой в годы Великой Отечественной войны. Стремительны, как автоматные очереди, очерки и репортажи Алексея Толстого, Ильи Эренбурга, Васи-

ПИСЬМО
АДРЕСОВАНО
ЛЕНИНУ

лия Гроссмана, Аркадия Гайдара, Константина Симонова... А наряду со статьями те же писатели создавали большие полотна, которые прямо перекликались с оперативным очерком, публицистическим стихотворением, боевым кино-сборником.

Это наш советский стиль в искусстве. И мы не должны забывать его в дни войны и в дни мира.

Я отчетливо понимаю, что одна из первых советских пьес, написанная коммунистом Александром Вермишевым, не может быть отнесена к классике драматургии. Но не было бы этих первых, пусть еще наивных, но честных попыток создать свое искусство — не было бы ни «Чапаева», ни трилогии о Максиме, ни «Депутата Балтики», ни «Великого гражданина». Не было бы искусства особого, невиданного, неповторимого, которое потрясло и покорило мир.

Среди все новых и новых художественных достижений мы не должны забывать и не забудем первой ласточки советской революционной драматургии — пьесы Александра Вермишева, скромной, честной и страстной разведки в будущее.